

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА / POLITICAL LEGAL
FEATURES OF RELIGIOUS ENVIRONMENT

Серия «Политология. Религиоведение»

2015. Т. 13. С. 126–134

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 37

**Геополитическое миссионерство и этноконфессионализм
японской языковой картины мира**

Т. М. Гуревич

*Московский государственный институт международных
отношений (университет), г. Москва*

Аннотация. Рассматривается вопрос о языковой реализации геополитического миссионерства в условиях японского синто-буддийского синкретизма. В японской языковой картине наиболее мощным является синтоистский пласт, что оказало серьезное влияние на специфику восприятия христианства в этой стране.

Ключевые слова: веротерпимость, синтоизм, христианство, фразеологизмы, языковая картина мира, Япония.

Европейцы всегда удивлялись и не могли понять величайшую веротерпимость японцев, которые, будучи синтоистами, принадлежат к какой-либо буддийской общине, руководствуются в жизни конфуцианскими принципами и порой не просто принимают участие в христианских богослужениях, а заявляют о том, что исповедуют христианство. Размышляя о специфике «переваривания» и усвоения мощнейших религиозно-культурных «пластов» в горниле японского этноконфессионализма, надо разобраться, не обозначаем ли мы одинаковыми терминами принципиально различные понятия. Ведь очевидно, что в случае с религиозными убеждениями нельзя говорить ни о сговоре, ни даже о консенсусе, как часто называют способность японских государственных и партийных структур улаживать конфликты.

Основным положением древнейшей национальной японской религии синто (神道 *синто* – букв. «путь богов») является утверждение, что любой элемент природы, в том числе ее неотъемлемая часть – человек, может стать богом (神 *ками*). Весь мир вокруг человека населен *ками*, которые, будучи богами, в то же время обитают рядом с людьми, что и обуславливает непосредственное общение богов и людей. Для японцев обращение к всемогущим силам (*ками*) – это обращение к тому, что является элементом окружающего их мира, частью Великой Природы, а не к некоей сущности, стоящей над ней.

В системе мировидения, возникшей на буддийско-синтоистской почве, человек ощущает себя частицей природы, универсума, он не ориентирован как на нынешнюю жизнь, так и на спасение после смерти. В синтоизме, не имеющем своей религиозной доктрины, как и в других религиозно-этических системах, имевших место в Японии до прихода христианства, нет ни представления об абсолютных ценностях, ни понятия первородного греха. Японцев не занимают проблемы противопоставления сакрального и профанного, в их представлении мораль разлита в повседневности и сиюминутности, а сознание греховности не находит соответствующей аналогии. Отсутствие в их мироощущении концепции единого Творца, занимающей доминирующее место в христианской культуре, обуславливает трудности органического вхождения в пространство христианского мироощущения, во многом определяет отношение японцев к самым различным аспектам жизни и является причиной многих моментов глубинного взаимного непонимания между японцами и представителями христианской культуры [5].

Можно говорить о серьезной трансформации христианства в условиях Японии, соглашаясь с мнением одного из героев романа «Молчание», написанного японским писателем-христианином Сюсаку Эндо: «Христианство, которое вы принесли нам, перестало быть христианством; оно – совершенно новая религия». Подтверждением этому тезису, как, впрочем, и подтверждением мысли о своеобразном характере религиозности японцев, может служить тот факт, что нередко в японской семье могут справлять свадьбу согласно синтоистскому обряду, венчаться в христианском храме, т. е. одна и та же пара проводит и тот, и другой свадебный обряд. Независимо от того, к какой религиозной конфессии причисляют себя родители, своего новорожденного младенца они обязательно понесут в синтоистский храм, а в мир иной японцев всегда провожают согласно буддийскому ритуалу. По утверждению японского социолога Т. Сакаия, «в представлении японцев религиозные разногласия сводятся к различиям в религиозных обрядах» [3, с. 145]. Все ближе к слиянию с синто-буддийским синкретизмом, не столько трансформируясь, сколько закрывая глаза на считавшиеся раньше непреодолимыми разногласия, приближается и христианство: «К началу XX века христианство уверенно завоевало свою нишу в мировидении японцев, прочно укрепившись вслед за синтоизмом и буддизмом. Однако это прежде всего дань моде» [2, с. 179].

Осмелимся утверждать, что в искажении сути христианского учения важную роль сыграло и механическое использование религиозных терминов, связанных с синтоизмом. Переводчики, работающие с японским языком, могут дифференцировать лишь католические и православные религиозные слова и выражения, но для слова *Бог* остается исторически закрепившийся термин 神 *ками*. И вот в хрестоматийном *めに言があった。言は神と共にあった。言は神であった。* *хадзимэ-ни котоба-га атта, котоба-вакамитото-ни атта, котоба-ваками-дэ атта* – «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» японцы видят знакомого им 神 *ками*.

Следует всегда помнить о том, что синтоистские боги 神 *ками* породили именно японцев, а не людей вообще, поэтому каждый японец от рождения принадлежит к синто, какую бы другую религию он ни исповедовал. Для японцев идея бога – это не представление о некоей непознаваемой силе, господствующей над миром, а допущение существования некоего принципа, обеспечивающего и контролирующего жизнь как таковую. На русский язык словом «Бог» переводятся лексемы 天 *тэн* «небо, провидение», имеющая китайские корни, и 神 *ками*, «синтоистские боги». Все они следуют течению всевозможных перемен, вызываемых не внешними силами, но составляющими суть всего. Синтоистские боги обитают в том же самом мире, что и все люди. Человек достигает спасения, гармонично вписываясь в окружающий его мир, стремясь к духовному единству с богами, при этом совершенно неважно, каких именно богов он почитает.

Считается [3; 5], что именно отсутствие канона, способность уживаться с другими верованиями, простота культа, не предполагающая никакого понимания религии, и стали причиной стойкости синтоизма на протяжении многих веков в непрерывно меняющейся исторической обстановке.

Понятия 天 *тэн* и 神 *ками* являются взаимозаменяемыми, поскольку японцы, по крайней мере сейчас, не делают четкого различия между ними. В словарях отмечают в качестве синонимичных следующие фразеологизмы:

神は自ら助くる者を助く и 天は自ら助くる者を助く – «Боги/небо помогают тому, кто сам себе помогает»/котовадза/;

人盛んにして神崇らず *хитосакан-ни ситэкамитапарадзу* – «(коль скоро) человек успешен, и боги не проклинают его» и 人盛んにして天に勝つ *хитосакан-ни ситэ тэн-ни кацу-* «(коль скоро) человек успешен, то он небо победит»/котовадза/.

Последняя пословица подтверждает не вызывающее, пожалуй, уже ни у кого возражений мнение Т. Сакаия о том, что «японцы больше, чем в богов, верят в человека» [2, с. 146].

Следует заметить, что паре поговорок 神は見通し *ками-вамитооси* и 天は見通し *тэн-вамитооси* – «Боги (во втором случае «небо») все предвидят/видят насквозь»¹ соответствует еще пара синонимичных выражений 仏は見通し *хотокэ-вамитооси* – «Будда все предвидит/видит насквозь» и 神仏は見通し *синбуцу-вамитооси* – «Боги и Будда все предвидят/видят насквозь». На вопрос, кто и в каких случаях говорит ту или иную из этих четырех

¹ Употребляется японцами в тех же ситуациях, когда русские говорят «Богу виднее» или «Все, что Бог делает, – к лучшему».

поговорок, японцы, обычно удивляясь неосведомленности вопрошающего, отвечают, что им все равно, просто они привыкли говорить так, как сказали.

Прагматичные японцы больше всего рассчитывают на помощь и поддержку 氏神 *удзигами* – богов, которые являются хранителями их рода или местности, где они живут. О человеке, чья помощь пришла очень кстати и своевременно, говорят 時の氏神 – *токи-но удзигами*, букв. «бог-хранитель (подоспел) вовремя».

Японцы отводят своим богам соответствующее место в природе, не выделяя их из всего, не противопоставляя ни людям, ни демонам. Как божества 神¹ в Древней Японии почитались камни и горы, деревья, лисица, китайский лев и разные другие объекты природы, представителям фауны, а также чем-то прославившиеся в истории феодальные роды/фамилии и вообще все солдаты, погибшие в войнах. Пересчитать всех 神 *ками* невозможно. Практически всех их почитают и сейчас; изображения животных, например, часто встречаются не только в синтоистских, но и в буддийских храмах. В XXI в. синтоистские обряды проводятся практически перед любым важным делом – будь то строительство современных сооружений, начало прокладки автомагистрали или открытие нового магазина.

Антропоморфные божества синтоистского пантеона имеют формы и атрибутику, но в отличие от последователей тантризма в Индии или древних греков японцы никогда не придавали особого значения физической красоте своих богов. Возможно, в этом просматривается и влияние дзэнской идеи о том, что слишком большое внимание к внешнему облику отвлекает от постижения сути, внутреннего содержания.

Большое число японских фразеологизмов² о небе и богах свидетельствует об отсутствии в этой стране идеи преклонения перед богами. Отношение японцев к сверхъестественным силам можно рассматривать как проявление действия принципа «свой vs чужой», т. е. вынесения богов за рамки социума, членам которого можно полностью доверять, где все могут понимать друг друга без слов. Японцы, как известно, прекрасно владеют, по выражению Хага Ясуси, 言外の言葉 *гэнгай-но котоба* – «языком помимо речи» [5, с. 104]. Поэтому наличие у них, столь преуспевших в умении передавать мысли и чувства без помощи слов, поговорки о необходимости напоминать богам о своей просьбе словами: 神様にも祝詞 *камисама-ни монорито* – букв. «и для богов (нужна) молитва», свидетельствует о том, что боги находятся в области «чужих».

¹ По-русски в данном контексте лучше употребить именно это слово, но по-японски и в этом случае опять говорят о 神 *ками*.

² Есть все основания считать фразеологизмы в самом широком понимании этого термина наилучшим языковым материалом для интерпретации устойчивых представлений, существующих в той или иной культуре. Они могут служить эталонами и стереотипами национального мировосприятия.

Синтоистские боги не являются идеальными образами не только в физическом, но и в моральном плане: *棄てる神あれば助ける神あり* *сутэруками-моарэбатасукэрукамиари* – «есть боги, которые бросают («кидают»), есть боги, которые помогают»; они могут быть злопамятными: *触らぬ神にたたりなし* *саварануками-ни татаринаси* – «бог, которого не трогаешь, не навлечет на тебя зла»; требуют почтительного отношения: *神は非礼をうけない* *ками-вахирэй-о укэнай* – «по отношению к богам нельзя быть невежливым/неучтивым».

Богам свойственны обыкновенные человеческие слабости: *お神酒上がらぬ神はない* *омикиагарануками-ванай* – «нет богов, которым не подносят священного вина»¹.

Слово *神* *ками* может употребляться в переносном значении: *言論の自由という神さまがついている* *гэнрондзию:-то укукамисама-га цуй-тэиру* – «есть (имеет место) бог по имени «свобода слова».

Без особого пиетета относятся японцы и к богам буддийского пантеона, замечая, что *仏も下駄も同じ木のきれ* *буцу-могэта-моонадзики-нокирэ* – «и Будда, и деревянные сандалии – гэта – (делаются) из одинакового полена».

Отводя всему соответствующее место, японцы отмечают, что *仏法あれば世法あり* *буцухо: арэбасэхо: ари* – «есть законы Будды (буддийское учение), есть и законы жизни». Эта поговорка не только о том, что не все в мире подвластно богам, но ее говорят и в тех случаях, когда русские констатируют, что «не все идет по-писаному», что «у любой медали есть оборотная сторона».

Японцы полагают, что и у терпеливого Будды может иссякнуть выдержка, и, советуя не слишком надоедать другим своими просьбами, они говорят: *仏の顔も三度* *хотокэ-но као-мосандо* – «всякому терпению есть предел», «самый невозмутимый может выйти из себя, если ему слишком надоедать». Полный вариант этой поговорки *仏の顔も三度撫でれば腹立てる* *хотокэ-но као-мосандонадэрэбахарадатэру* – букв. «если трижды поглаживать лицо Будды, то (он) может рассердиться» связан с обычаем поглаживать статуэтку Будды при обращении к нему с просьбой.

В японской культуре представители темных сил, вредящие человеку, весьма многочисленны и разнообразны – это сатана/дьявол *魔* *ма* или *悪魔* *акума*, оборотни *お化け* *обакэ* и привидения *幽霊* *ю:рэй*, которыми пугают ма-

¹ Эта поговорка часто употребляется в отношении к государственным чиновникам высокого ранга в значении «все берут (взятки)». В этом случае она *地獄の沙汰も金次第* *дзигоку-но сата-моканэсидай* – «с деньгами и в аду рай», букв. «и в аду решение (зависит) от денег».

леньких детей, водяные 河童 *каппа*, лешие, ведьмы 鬼婆 *онибаба*, фантастические существа 天狗 *тэнгу*, 鬼 *они*. Последнее слово переводится как «черт», «нечистый» и широко употребляется в ФЕ и устной речи в отличие от перечисленных до него слов, встречающихся преимущественно в фольклоре и художественной литературе.

В активном словаре японского языка среди множества слов, вызывающих недоумение иностранцев, есть обобщающее слово 鬼神 *кисин* – «боги», составленное из иероглифов 鬼 и 神, т. е. «черт» и «(синтоистский) бог», которое переводится в одних словарях просто как «злой дух; демон; сверхъестественное существо» [4], в других дается более развернутое толкование – «1) дух умершего, привидение; 2) злой дух, бог тьмы; 3) демон, оборотень, чудовище» [1]. В японском словаре синонимов [6] это слово относится к категории, обозначенной «плохие боги».

Поговорка 鬼神は横道なし *кисин-ваекомитинаси* имеет в словаре [4] следующее объяснение: 神は道理に合わないことや曲がったことはしない *ками-вадо:ри-ниаванай кото-то я магатта кото-васинанай* – «боги не делают (ничего) несправедливого и несправедного»¹.

Можно предположить, что в слове 鬼神, как в капле воды, отразилось сразу несколько положений, которыми характеризуется японская картина мира.

В этом слове можно заметить и исходящий из фундаментальной идеи буддийской гносеологии о единстве всего сущего принцип неразличения добра и зла, вытекающую из него привычку отказываться от оценочных категорий и, возможно, как следствие из отмеченного выше, присущий японскому отношению к предметам и явлениям практицизм – и черт может быть полезен.

Похоже, что 鬼 *они* – воспринимаются японцами как нечто «свое», синтоистское божество, но с плохой репутацией. Недаром имеют место два варианта поговорки: 知らぬ仏より馴染みの鬼 *сиранухотокэ-еринадзими-но они* и 知らぬ神より馴染みの鬼 *сирануками-еринадзими-но они* – «лучше хорошо (близко) знакомый черт, чем святой², которого не знаешь». Варианты различаются обозначением «незнакомого, чужого» божества: 仏 *хотокэ* принадлежит буддийскому пантеону, а 神 *ками* – синтоистское божество.

Представленные в японских фразеологизмах черти – это не страшные представители мира зла, а существа, похожие скорее на проказливых пакостни-

¹ Поговорку 鬼神は横道なし японцы используют в тех же случаях, когда русские говорят «бог шельму метит», «так тебе и надо», «поделом тебе» или соглашаются с тем, что «все, что происходит – к лучшему».

² В данном случае слово 仏 *хотокэ* следует переводить как «святой».

ков, напоминающие наших леших, домовых и прочую мелкую нечисть. 鬼 *они* не прочь посмеяться и подшутить над людьми; впрочем, в японских сказках и юморесках рассказывается и о том, как люди отвечают им тем же. Одним из древнейших и до сих пор любимых праздников японцев можно назвать весенний 節分祭 *Сэцубун* (букв. «раздел сезонов»), который обычно приходится на начало февраля. Пришедший вместе с введением древнего китайского летоисчисления Сэцубун, он ассоциируется с пробуждением природы, началом сельскохозяйственных работ и связан с одним из важнейших понятий китайской философии – *инь-ян*. Считалось, что на стыке сезонов особенно жестко противостоят друг другу светлые и темные силы, и люди должны помочь светлomu началу и не допустить активизации злых сил. Поэтому проводятся обряды изгнания демонов, которые называются 鬼払い *они хараи* (букв. «очищение от чертей»). Здесь мы опять видим проявление религиозного синкретизма: проводят синтоистский ритуал очищения во время обряда, корнями уходящего в другую религию и другую культуру. Одним из наиболее важных моментов этого ритуала является разбрасывание (обычно с террасы храма) бобов с возгласами 鬼は外、福が内 *они-васото, фуку-ваути* – «черти – вон, счастье – в дом».

Фразеологизм 鬼が笑う *они-га варау* – букв. «черти будут смеяться» употребляется в тех же случаях, когда по-русски говорят «курам на смех»: 夢のようなことばかり並べて、鬼が笑う *юмэ-но е:на кото бакаринарабэтэ, они-га варау* – «бред какой-то городит, курам на смех». В словари пословиц и поговорок включено адекватное русскому «не загадывай на будущее» выражение 来年のことを言えば鬼が笑う *райнэн-но кото-о изба они-га варау* – букв. «если говорить о том, что будет потом (букв. «в следующем году»), то черти будут смеяться».

鬼 *они* могут быть присущи человеческие достоинства и недостатки. Эти черти бывают привлекательными в молодости: 鬼も十八番茶も出花 *они-модзю:хатибантя-модэбана* – «все хорошо в свое время», букв. «(хороши) и черт в восемнадцать, и чай низкого сорта, если он только что заварен».

Иногда 鬼 *они* делают какие-то промахи: 鬼の目にも見残し *они-но мэ-ни моминокоси* – «и черт может что-то упустить из вида». В японских фразеологизмах происходит «очеловечивание» чертей, которым иногда приписываются чувства людей: 鬼の目にも涙 *они-но мэ-ни-монамида* – «и черти тоже плачут», букв. «и у черта в глазах (бывают) слезы».

Черти становятся сильнее, если у них есть палка из металла – 鬼に金棒 *они-ни канабо:* – «черту палку из металла». Так говорят японцы об обретении или придании дополнительной силы или значимости: あの監督にあの名優では鬼に金棒で、すばらしい映画になるだろう *анокан-*

току-ни аномэйю:-дэ-ва они-ни канабо: дэ, субарасийэйга-ни нару даро: – «такому режиссеру да еще выдающийся актер – получится замечательный фильм, это ведь то же, что черту железная палка».

Можно утверждать, что японцы не слишком боятся своих чертей, ведь недаром они говорят *銭ある時は鬼も使う* *дзэни ару токи-ва они-моцукау* – «когда есть деньги, и черта можно использовать», полагают, что *鬼も角折る* *они-моцуну ору* – «и черт без рогов бывает», букв. «и у черта рога отламываются», считают, что с чертом можно договориться: *鬼も頼めば人食わず* *они-мотаномэбахитокувадзу* – «и черт, если его попросить, не съест человека». Последняя поговорка еще раз напоминает о том, как ценят японцы умение правильно вести себя с собеседником, как необходимо поддерживать со всеми, в том числе и с чертями, гармоничные отношения.

Помимо «бытовых» чертей – *鬼 они*, относящихся к синтоистскому пантеону, в японской языковой картине мира существует упоминавшийся выше *悪魔 акума* – «дьявол, сатана, демон», или просто «зло». Это слово записывается иероглифами *悪* «плохой, зло» и *魔* «нечистая, сверхъестественная сила, несчастье, беда». Второй иероглиф может употребляться отдельно и имеет значение «черт, бес, дьявол», «нечистый», «зло как таковое».

好事魔多し например, в выражении *魔が差す* *ма-га сасу* – «черт попутал» – букв. «бес указывает/ведет».

С помощью слова *悪魔 акума*, этимологически связанного с буддизмом (изначально относившемся к области «чужой»), объясняются понятия других мировых религий, такие как «дьявол», «демон», «сатана», «шайтан» и пр. В христианском религиозном контексте антиподом *悪魔 акума* является *天使 тэнси* – «ангел». Следует отметить, что несмотря на обилие заимствований из европейских языков во многих сферах жизнедеятельности современных японцев, такие заимствования практически не встречаются в рассматриваемой нами сфере. Разумеется, они встречаются в дискурсе христианского культа, но так и не вошли в активный словарь. Можно утверждать, что в японской языковой картине мира в представлениях о богах и их антиподах наиболее мощным является именно синтоистский пласт.

Идею христианской доктрины постигла участь других заимствований в материальной и духовной сферах. Такие примеры, как «усвоение» японским языком китайской письменности, мирное сосуществование синтоизма и буддизма, успешная прививка принципов буржуазной демократии к древу авторитарной иерархической системы, свидетельствуют о неизменности функционирования мастерства японского заимствования. Его суть – переработка, поглощение и приращение заимствования к имеющемуся без его порицания и отказа от него.

Список литературы

1. Большой японско-русский словарь. В 2 т. / под ред. Н. И. Конрада. – М. : Сов. энцикл., 1970. – 2 т.
2. Палкин А. Д. Россия и Япония: динамика нравов / А. Д. Палкин. – М. : Наталис, 2010. – 429 с.
3. 堺屋太一日本とは何か. –東京:講談社、. – 1992. – 332 с.
4. 研究社和露辞典 – 東京、. – 2000. – 1183 с.
5. 芳賀綾日本人らしさの構造. –東京:大修館書店、. – 2004. – 315 с.
6. 類語大辞典、編 : 柴田武、山田進. - 東京 : Kodansha, 2002. – 1495 с.

Geopolitical Missions and Ethnoconfessionalism: Japanese Linguistic View of the World

T. M. Gurevich

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow

Abstract. The article discusses the issue of language implementation of geopolitical missionary work in the context of Japanese Shinto-Buddhist syncretism. In Japanese linguistic view Shinto layer is the most powerful one to have had a major impact on the perception of Christianity in Japan.

Keywords: Japan, toleration, Shintoism, Christianity, idioms, linguistic view of the world.

Гуревич Татьяна Михайловна
доктор культурологии, профессор,
кафедра японского, корейского,
монгольского и индонезийского языков
Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76
тел.: 8(495)4349094
e-mail: jkim@mgimo.ru

Gurevich Tatiana Mikhailovna
Doctor of Sciences (Culturology), Professor,
Department of the Japanese, Korean,
Mongolian and Indonesian Languages
Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO-University)
76, Vernadski av., Moscow 119454
tel.: 8(495)4349094
e-mail: jkim@mgimo.ru